

Нужная Татьяна Владимировна

ЭСТЕТИКА РУИН И АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. Р. ДЕ ШАТОБРИАНА

Статья посвящена одному из аспектов художественного творчества Ф. Р. де Шатобриана - эстетике руин. Рассматривается исторический контекст обращения романтиков к теме руин и развалин; на материале "Рене", "Гения христианства" и "Замогильных записок" прослеживается ее полноценное и разнообразное литературное развитие. Анализ архитектурных образов, как античных руин, так и христианских памятников в художественных текстах Шатобриана, свидетельствует о разработке писателем ключевых мотивов меланхолии, грусти и тоски, вызываемых лицезрением гибели прошлого и бренности человеческих начинаний. Отмечается, что Шатобриан возродил утраченный ранее интерес к средневековой архитектуре. Все это становится типическим признаком романтического видения мира, усвоенным последующими поколениями писателей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 35-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.133.1

Статья посвящена одному из аспектов художественного творчества Ф. Р. де Шатобриана – эстетике руин. Рассматривается исторический контекст обращения романтиков к теме руин и развалин; на материале «Рене», «Гения христианства» и «Замогильных записок» прослеживается ее полноценное и разнообразное литературное развитие. Анализ архитектурных образов, как античных руин, так и христианских памятников в художественных текстах Шатобриана, свидетельствует о разработке писателем ключевых мотивов меланхолии, грусти и тоски, вызываемых лицезрением гибели прошлого и бренности человеческих начинаний. Отмечается, что Шатобриан возродил утраченный ранее интерес к средневековой архитектуре. Все это становится типическим признаком романтического видения мира, усвоенным последующими поколениями писателей.

Ключевые слова и фразы: ранний французский романтизм; Ф. Р. де Шатобриан; эстетика руин; архитектурные образы в художественном тексте.

Нужная Татьяна Владимировна, к. филол. н., доцент
Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург
ta_nu@mail.ru

ЭСТЕТИКА РУИН И АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. Р. ДЕ ШАТОБРИАНА

Руины и развалины древних памятников многие века вдохновляли художников, поэтов и писателей. Города и замки, церкви и сады, образы далекого прошлого поражали воображение людей во все времена. В XVIII веке в Европе и России начал активно развиваться туризм: русские и англичане, французы и немцы, путешествуя, встречались на римских форумах. В разных странах люди искали для себя новые впечатления от созерцания памятников древней архитектуры. В словесном искусстве руины становятся частью природного пейзажа. В литературе происходит слияние руин и растений, травы и деревьев в единый образ «природы». Чувство тоски по прекрасному прошлому, идеальному «естественному состоянию», появилось во Франции и Англии во второй половине 1760-х гг. и внесло особые акценты в тему руин. Мотив руин или развалин древних зданий получает у ранних французских романтиков полноценное и разнообразное литературное развитие.

Изображая руины, французские писатели начала XIX века создают устоявшиеся впоследствии образы, становящиеся основой будущих общекультурных «знаковых фондов». Прозаики разрабатывают ряд описательных приемов, ставших впоследствии литературными клише.

Достаточно подробное освещение темы руин во французской поэзии XVIII века дает в своей статье Н. Т. Пахсарьян «Тема руин во французской литературе XVIII века» [6]. Однако этот мотив, столь значимый в прозаических текстах XIX века, не становился до сих пор предметом специального анализа.

Оговоримся, что обращение романтиков к теме руин было не случайным. Именно в конце XVIII – начале XIX века во Франции появился интерес к археологическим раскопкам древних памятников Европы. В XVIII веке с развитием коллекционерства появились специализированные собрания старинных находок. Тогда же были осмыслены и сформулированы научные цели и началось развитие собственно археологической науки.

Раскопки итальянского города Помпеи в 1748 году, в которых французы принимали активное участие, имели большое значение. Они начались в XVIII веке и приняли научный характер к концу столетия, когда Неаполь был занят французскими войсками [1]. Особенно продуктивно раскопки велись в 1808-1814 гг. при Жоакиме Мюра (фр. *Joachim Murat*) – наполеоновском маршале, который был королем Неаполитанского королевства в 1808-1815 годах. Помпейские находки привлекли внимание к бытовым предметам античной эпохи [Там же]. Они же поспособствовали развитию других разделов антропологии, истории и археологии и возродили интерес к теме руин в художественных жанрах.

Обращение к теме руин в живописи наблюдалось уже в эпоху Возрождения, но настоящая эстетика руин в изобразительном искусстве родилась в XVII веке. Древние развалины становятся знаком связи времен: под ними плавно протекают столетия, объединенные картинами пейзажного пространства. Они же придают значимость и самой природе, делая ее свидетелем истории.

Значительную роль руинизированной архитектуры в XVII-XVIII веках подчеркивает изобилие образцов живописи, созданных в это время. Французский художник Юбер (Гюбер) Робер (Hubert Robert, 1733-1808) стал признанным мастером классического пейзажа руин. Поэтика руин формируется уже в его рисунках, сделанных на вилле д'Эсте под Римом, а в 1785-1787 годах Юбер Робер зарисовывал древности Прованса и Нормандии. Он писал арки, древние храмы, колоннады, развалины памятников в преувеличенном, фантастическом виде. Его картины, выставляемые в Салонах (Римский порт, 1766, Музей школы изящных искусств, Париж и др.) быстро завоевали популярность. Французский писатель Д. Дидро хвалил его за прекрасные и величественные руины. Художник иногда склонялся к романтической гиперболизации, представляя еще достаточно современные здания в виде руин. Созданные художником образы контрастного взаимодействия разных эпох оказали большое влияние на развитие романтизма [Там же].

Французские писатели начала XIX века, приобщаясь к культурно-значимым событиям эпохи, тоже вводили в литературное описание мотив руин и развалин как важный элемент презентации современных им знаний и настроений. В их художественных текстах образ руин сплетался с размышлениями о суетности мира, о бренности человеческого существования, о скоротечности жизни.

Отправляясь путешествовать, герой Шатобриана в повести «Рене» решает, как бы «окунуться» назад во времени. Его целью становится Италия, но Италия не современная, а античная. Рене подчеркивает, что, «прежде всего посетил отжившие народы» (здесь и далее выделено автором статьи. – Т. Н.) [12]. В его рассказе доминируют описания руин и печальные размышления, где «дворцы засыпаны прахом, а мавзолеи царей скрыты под терновником» [Там же], где сила природы господствует над слабостью человека. Тяжесть и бесплотность прошлого у Шатобриана переносится на настоящее, его герой ощущает мир как бы закончившийся, без будущего, без надежды. Тема могил, гробниц и погребений – это «варьируемые образы “закнутости” в поэтической структуре шатобриановской прозы» [4]. По справедливому замечанию исследователя В. Карельского, «дух разочарования и безверия веет над сочинениями этого апостола веры» [Там же].

Мотив руин несет в повести «Рене» символическую функцию, осуществляя психологический перенос темы смертности и бренности в настоящее время. Герой не замечает движения времени, застывшего среди античных развалин: «Я размышлял на этих руинах о всех событиях и во все часы дня. Порой солнце, то самое, которое видело закладку этих городов, величественно закатывалось на моих глазах за развалины; порой луна, восходя на ясном небе между двумя погребальными, полуразбитыми урнами, являла предо мной бледные гробницы» [12].

Каким бы меланхоличным ни был герой Шатобриана, долгое созерцание руин утомляет его, и он спешит наполниться более радостными мыслями, обращая свой взор к «живым», «современным» архитектурным сооружениям: «Но меня утомляло это копанье в могилах, где я слишком часто перебирал лишь преступный прах. Мне хотелось видеть, не откроют ли живущие ныне народы предо мной больше добродетелей или по крайней мере меньше бедствий, чем народы исчезнувшие» [Там же].

Специфика восприятия окружающего материального мира романтическим героем распространяется не только на особое отношение к древним развалинам, руинам, но и к памятникам скульптурного искусства. Увидев статую Карла I, казненного революционным дворянством Англии, Рене поражается равнодушию живущих вокруг людей: «Меня поразило безмолвие этого места: только один ветер завывал вокруг трагического мрамора» [Там же]. Мало кто из местных жителей задумывался о безжалостной судьбе человека, которому был посвящен памятник. А для героя Шатобриана это столкновение повседневного человеческого равнодушия с прошлыми историческими катастрофами, изменившими миропорядок, становится поводом к размышлениям о бренности существования: «Ничто не давало мне более верного мерилла жизненных событий и нашего ничтожества» [Там же].

Хотелось бы отметить интересную деталь: иногда Шатобриан употребляет конкретное существительное «могила» в широком понимании слов «история», «память» или «прошлое»: «Во время путешествий особенно я разыскивал художников и тех дивных людей, которые воспевают на лире богов и блаженство народов, чтут законы, религию и *могилы*» [Там же]. / “Je recherchais surtout dans mes voyages les artistes et ces hommes divins qui chantent les Dieux sur la lyre, et la félicité des peuples qui honorent les lois, la religion et les *tombeaux*” [13, p. 173]. А еще в абстрактном значении «смерть»: «Увы, каждый час в мире *открывает могилу* и заставляет проливать слезы» [12]. / “Hélas! Chaque heure dans la société *ouvre un tombeau*, et fait couler des larmes” [13, p. 178]. Понятие «могила» используется у Шатобриана и в значении религиозного обряда посвящения в монахи, когда девушка образно должна «умереть» для мирской жизни и «возродиться» для жизни духовной, для сужения Господу: «Однако Амели еще не произнесла обета, а для того, чтобы умереть для мира, она должна была *пройти через могилу*» [12]. / “Cependant Amélie n'avait point encore prononcé ses vœux; et pour mourir au monde il fallait qu'elle *passât à travers le tombeau*” [13, p. 190].

Италия – колыбель античной архитектуры – всегда привлекала путешественников, не обошел ее своим вниманием и герой Шатобриана. Путешествуя в мечтах со своей вымышленной возлюбленной («Замогильные записки»), герой Шатобриана «посещает» не только живописные природные уголки, но и знаменитые развалины древности: Рима, Афин, Иерусалима, – что отражает авторское отношение к мотиву руин – его сочетание с наслаждением от созерцания, священным трепетом и меланхолией. А разрушенный замок графини де Кольбер-Монбуассье для Шатобриана «ласкает взор, как зрелище руин» [11, с. 46]. Конечно, именно в Италии на фоне развалин древних цивилизаций чаще всего приходят мысли о смысле человеческого существования.

Настолько силен у ранних романтиков заимствованный у сентименталистов культ природы, что даже шум ветра среди арок и сводов собора в повести «Рене» Шатобриан сравнивает с «рокатом волн океана» и «шепотом ветров в лесу» [12]. В поздний период творчества, в «Замогильных записках» у Шатобриана рождается новый взгляд на природу. По справедливому замечанию переводчика и комментатора текста В. Мильчиной, «в повести “Атала” Шатобриан изображал природу ради достижения некоторых живописных эффектов, в трактате “Гений христианства” – ради утверждения могущества Господня... теперь для писателя главное – показать неразрывную связь природы с человеческой историей и культурой, с человеческой психикой и памятью» [Там же, с. 13]. Путешествуя по Америке, на берегу Ниагарского водопада Шатобриан рассуждает об истории народов, сравнивая воды реки, ниспадающие с огромной высоты, с умирающим народом, который «лишившись голоса и жизненных сил, устремлялся в бездну вечности» [Там же, с. 101].

В «Замогильных записках» упоминание многих природных или общественных явлений часто влечет за собой авторские комментарии архитектурного или исторического плана. Такое внимание к рукотворным созданиям человека выражает, прежде всего, бренность и изменчивость всего сущего для автора. Общество 1790-х годов Шатобриан сравнивает с архитектурой времен Людовика XII и Франсиска I, где «греческие ордера смешивались с готическим стилем», уточняя, что оно в целом походило скорее «на груды обломков всех веков» [Там же, с. 74].

Меняется отношение Шатобриана и к истории. В исторических реминисценциях он отмечает старение и ветшание мира. С большим трепетом, взирая на величественные памятники, герой размышляет, чему же он научился, с прискорбием констатируя факт: «Ничему прочному у древних, ничему прекрасному у современников» [12].

Часто в «Замогильных записках» Шатобриан использует архитектурные метафоры, называя, например, свою книгу «зданием». Обращаясь к госпоже Рекамье, он пишет: «Прогуливаясь по этим “Запискам”, осматривая храм, который я спешу окончить, она набредет на часовню, ей посвященную; возможно, эта усыпальница придется ей по нраву: в ней запечатлен ее образ» [11, с. 371]. А говоря об окончании наполеоновского режима, он сравнивает его с разрушенным храмом: «Империя пала; огромная развалина рухнула в мою жизнь, как обрушивались обломки романских построек в воды неведомого ручья» [Там же, с. 46]. Корабль, на котором Шатобриан отправляется в Америку, он называет «дворцом Нептуна» [Там же, с. 87].

Архитектурные образы в творчестве Шатобриана можно условно разделить на «древние» и «современные», а также на античные (языческие) и средневековые (христианские). Отношение к античной культуре и мифологии, ее восприятие через архитектурные образы поможет прояснить сложные моменты формирования романтической эстетики в творчестве виднейшего родоначальника романтизма.

Трудно согласиться с мнением Т. Б. Чернухиной и А. Ю. Чернухина о том, что для Шатобриана характерно категоричное неприятие античной мифологии (в статье «Два варианта интерпретации античной мифологии в раннем романтизме») [10]. Можно сказать, что у Шатобриана, по крайней мере в «Замогильных записках», нет никакого ниспровержения античности: христианские ценности и реликвии «мирно уживаются» с античными, т.е. языческими традициями. Это демонстрирует широту и свободу его взглядов как истинно образованного человека, внимательно и уважительно относящегося ко всем этапам истории человечества. Например, рисуя портрет своей вымышленной возлюбленной, Шатобриан наделяет ее прелестями всех греческих и римских богинь попеременно, признаваясь, что вдохновение он «черпал из всех стран, из всех веков, из всех искусств, из всех религий» [11, с. 54]. О себе же Шатобриан пишет как о человеке, искавшем «всюду первозданную суровость римских нравов» [Там же, с. 91]. С другой стороны, со скепсисом и даже сатирой описывает он бронзовую гробницу в протестантской церкви, охраняемую солдатом: «Жандарм, который спит на этом бронзовом ложе, не проснулся бы даже от грома собственной славы...» [Там же, с. 64].

Вполне правомерно можно назвать антиэстетическим с точки зрения «поэтики руин» описание Шатобрианом в «Замогильных записках» Дня взятия Бастилии. Проникновение народа в саму крепость Шатобриан называет «вскрытием трупа Бастилии», где «животная ярость обращала все в развалины» [Там же, с. 69]. Однако народ продолжает жить, и под «сенью истории», в «грохоте уходящего мира», когда «глухо шумит рушащееся общество», проходит немало «тайных свиданий среди развалин» [Там же, с. 75].

Отдельный интерес представляет шатобриановская трактовка готической архитектуры в «Гении христианства» и выдвинутая им «лесная теория». Писатель одним из первых реабилитировал готическое, т.е. средневековое искусство, открыв неведанные пласты народной культуры. Изменив отношение к средневековой культуре и искусству, Шатобриан невольно меняет и современный ему научный взгляд на всю историю человеческого развития, предопределяя иное видение Средневековья. Эта тема затрагивается в работах ряда исследователей: Б. Г. Реизова «Французский исторический роман в эпоху романтизма» (1958) [7]; А. В. Лаврова «“Дух готики” – неосуществленный замысел М. А. Волошина» (1986) [5]; А. Ю. Чернухина «Место “поэтики руин” в системе религиозных воззрений Шатобриана» (2009) [9]; Л. А. Симоновой «“Гений христианства” Ф. Р. де Шатобриана – первый манифест французского романтизма» (2012) [8] и др. Подробное реконструирование шатобриановской концепции готики проводится в статье Г. Х. Казаковой «Реабилитация готической культуры в творчестве Ф. Р. де Шатобриана» (2015) [3], поэтому останавливаться на этой теме не представляется актуальным.

Анализ архитектурных образов как античных руин, так и христианских памятников в художественных текстах Шатобриана убеждает в преобладании мотивов меланхолии, грусти и тоски, вызываемых лицемерием гибели прошлого и бренности человеческих начинаний. Безусловная заслуга Шатобриана заключается и в том, что он возродил утраченный ранее интерес к средневековой архитектуре. Все это становится типическим признаком романтического видения мира, усвоенным последующими поколениями писателей.

Список источников

1. **Археология** [Электронный ресурс] // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: <http://megabook.ru/article/Археология> (дата обращения: 16.07.2017).
2. **Дерябина Е. В.** Живопись Гюбера Робера в музеях СССР // Россия – Франция. Век Просвещения: сб. науч. тр. / Государственный Эрмитаж; науч. ред. Г. Н. Комелова, И. Н. Новосельская. СПб.: ГЭ, 1992. С. 68-871.
3. **Казакова Г. Х.** Реабилитация готической культуры в творчестве Ф. Р. де Шатобриана // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. № 5 (49). С. 101-108.
4. **Карельский В.** Вызревание романтических идей и художественных форм в период первой республики и империи. Сталь. Шатобриан. Сенанкур. Констан [Электронный ресурс]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/ivl-19-vek-regvaaya-polovina/karelskij-romanticheskie-idei.htm> (дата обращения: 26.07.2017).
5. **Лавров А. В.** «Дух готики» – неосуществленный замысел М. А. Волошина // Русская литература и зарубежное искусство: сб. исследований и материалов. Л.: Наука, 1986. С. 317-346.
6. **Пахсарьян Н. Т.** Тема руин во французской литературе XVIII века [Электронный ресурс]. URL: <http://natapa.msk.ru/bibliograficheskiy-ukazatel/tema-ruin-vo-frantsuzskoy-literature-xviii-veka.html> (дата обращения: 16.07.2017).
7. **Реизов Б. Г.** Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Гослитиздат, 1958. 569 с.

8. **Симонова Л. А.** «Гений христианства» Ф. Р. де Шатобриана – первый манифест французского романтизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2012. № 3. С. 107-116.
9. **Чернухин А. Ю.** Место «поэтики руин» в системе религиозных воззрений Шатобриана // Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг: сб. науч. тр. Ростов-на-Дону: Изд-во РАС ЮРГУЭС, 2009. Вып. 8. Ч. 1. Т. 1. Общегуманитарные проблемы. С. 102-112.
10. **Чернухина Т. Б., Чернухин А. Ю.** Два варианта интерпретации античной мифологии в раннем романтизме [Электронный ресурс]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-all/chemuhina-dva-varianta.htm> (дата обращения: 18.07.2017).
11. **Шатобриан Ф. Р. де.** Замогильные записки. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. 736 с.
12. **Шатобриан Ф. Р. де.** Рене [Электронный ресурс] / пер. Н. Чуйко. URL: https://royallib.com/book/shatobrian_rene/gene.html (дата обращения: 16.07.2017).
13. **Chateaubriand F.-R. de.** Atala, René, Les aventures du dernier abencérage. P.: Editions Flammarion, 1996. 308 p.
14. **Chateaubriand F.-R. de.** Mémoires d'outre-tombe. Librairie Générale Française. P.: NORD-COMPO, 2000. 512 p.

AESTHETICS OF RUINS AND ARCHITECTURAL IMAGES IN THE CREATIVITY OF F.-R. DE CHATEAUBRIAND

Nuzhnaya Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Russian State Hydrometeorological University, Saint-Petersburg
ta_nu@mail.ru

The article is devoted to one of the aspects of the literary creativity of F.-R. de Chateaubriand – the aesthetics of ruins. The historical context of romanticists' reference to the theme of ruins and remains is considered. Its full and diverse literary development can be traced by the material of the works "Rene", "Genie du Christianisme" ("The Genius of Christianity") and "Les Memoires d'Outre-Tombe" ("Memoirs from Beyond the Grave"). The analysis of architectural images of both ancient ruins and Christian monuments in Chateaubriand's literary texts testifies to the writer's development of key motives of melancholy, sadness and longing, caused by the contemplation of the destruction of the past and the frailty of human undertakings. It is noted that Chateaubriand revived the interest in medieval architecture which had been lost before. All this becomes a typical sign of the romantic vision of the world, assimilated by the subsequent generations of writers.

Key words and phrases: early French romanticism; F.-R. de Chateaubriand; aesthetics of ruins; architectural images in literary text.

УДК 8; 82:82-1/29

Стихотворение «Нашедший подкову (Пиндарический отрывок)» часто соотносят с периферией стиховой системы О. Мандельштама: техника, в которой оно написано, автору не свойственна. Нехарактерное для поэта оказывается показательным в истории литературы: текст вписывается в типичный для некоторых представителей Серебряного века разряд свободных стихов, т.е. примыкает к таким проявлениям дисметрического, которые являются редкими в рамках творчества одного поэта (критично расценивающего «верлибрическое»), не претендуют на протест против старого (а напротив, берут исток в далёкой древности) и возникают в контексте эсхатологических мотивов. В статье предпринимается попытка определить место текста в истории поэтических жанров и предлагается гипотеза о значении «Пиндарического отрывка» в исторической поэтике.

Ключевые слова и фразы: историческая поэтика; жанр; ода; отрывок; большие стихотворения; «Нашедший подкову»; О. Мандельштам.

Рейнбах Ольга Евгеньевна

Ивановский государственный университет (филиал) в г. Шуе
oreinbah@list.ru

«НАШЕДШИЙ ПОДКОВУ» О. МАНДЕЛЬШТАМА В ИСТОРИИ ЖАНРОВ

Н. Л. Лейдерман писал: «В атмосфере сокрушения всех и всяких канонов возрождается и получает весьма широкое распространение концепция жанровой феноменальности: каждое сколько-нибудь приметное произведение понимается как особое, неповторимое жанровое образование. История литературы же свидетельствует, что изобретение нового жанра (то есть нового типа модели мира) – это редкостный случай, величайшее творческое открытие» [6]. Стихотворение «Нашедший подкову» О. Мандельштама – как раз одно из таких произведений, которые выглядят как «внежанровое» (или «феноменальное») явление («Жанр “Нашедшего подкову” неотчётлив» [8, с. 679], – пишет Л. Г. Панова). «Приметность» его в первую очередь связывается с метрической формой: «Нашедший подкову» – свободный стих. Нерифмованный акцентный стих довольно часто вызывает сложности при определении жанра. Существует даже такое мнение: «...на данном этапе я бы воздержался от закрепления за свободным стихом каких-либо жанровых особенностей. Умозрительно выяснить этот вопрос пока не представляется возможным» [2]. Тем не менее попытки выявить жанровую принадлежность «Нашедшего подкову» предпринимались. Чаще всего они приводили